

— Зачем ты это взял? — Чэн Шинань забрал мотыгу, глядя на виноватого Вэй Цю.

Вэй Цю забежал глазами: — Да ни зачем... Просто вышел, решил размяться немного.

Поймав на себе взгляд Шинаня, выражавший крайнюю степень недоверия, Вэй Цю решительно закивал: — Правда! Честное слово!

Он ни за что не признается, что тем «безумцем» с бешеным нравом был он сам!

Шинань усмехнулся и, наклонившись к самому уху Вэй Цю, прошептал: — Вернемся домой — и я с тобой сочтусь за это.

Вэй Цю в расстройстве потер заалевшее ухо. Ну всё, попал... Знал бы — не скромничал бы, а разнес бы весь дом Чэн к чертям собачьим.

Хлоп! — раздался звук пощечины.

Цянь-ши повалилась на землю. Пингуй, сгорая от ярости, прорычал: — Теперь ты довольна?

У Цянь-ши мгновенно распухла щека. Она уставилась на мужа покрасневшими глазами, не веря своим ушам:

— Чэн Пингуй, ты посмел меня ударить?

Пингуй был вне себя. Если сюда заявятся Сюэ (родня покойной жены), их семье придет конец: — Ударил, и что? Посмотри, что ты натворила!

— Что я натворила? Если бы не забота об этом доме, стала бы я к нему ходить? — заголосила Цянь-ши. — Через два дня придут коллекторы! Ты что, правда хочешь, чтобы твой сын в тюрьму сел?

— Хватит! Отец, успокойся! Сейчас главное — идти в храм предков и не дать ему позвать людей Сюэ! — вовремя вмешался Яоцзу.

Лицо Пингуя еще никогда не было таким серым: — Отребье... всё это отребье! Пришли по мою душу долги собирать...

Старуха Чэн вела себя как ни в чем не бывало: — Пойдем так пойдем. Посмотрю я, что этот выродок задумал. Даже если Сюэ придут — что они мне сделают?

Услышав это, Пингуй взорвался еще сильнее: — Что сделают? Они нас по миру пустят! Довольна будешь? Матушка! Умоляю, хоть сейчас не лезьте!

Старуха возмутилась: — Что значит «не лезь»? Мать твоя стара, но еще не из ума выжила! Стала не нужна, обузой стала, так?!

Пингуй со вздохом потер виски: — Гуанцзун, проводи бабушку в комнату. Яоцзу, ты идешь со мной в родовой храм.

В храме предков староста и ричжэн вполголоса беседовали с Шинанем: — Семья Чэн кругом виновата, это факт. Как хочешь решить дело?

Они догадывались об ответе, но хотели услышать его лично.

Шинань ответил твердо и прямо: — Пусть пишет письмо о разрыве родства (дуаньцинью).

— Эх... — вздохнул ричжэн. — Когда делили хозяйство, я велел дяде Гао дописать ту строчку в конце, боясь, что они начнут к вам лезть. Не помогло, видать.

Староста покачал игловой: — Если напишете такую бумагу, слухи пойдут... ваша репутация пострадает.

— Мы не боимся слухов, правда — она в сердцах людей. Сегодня Цю-гэр был дома один, и они посмели ворваться. А что будет завтра? — голос Шинаня был тяжелым.

Он до смерти испугался за мужа. Теперь он не один, у него есть Вэй Цю, и он смертельно устал от этих теней из прошлого.

Видя его решимость, староста и ричжэн замолчали. Вэй Цю с любопытством оглядывался по сторонам в родовом храме, а потом послушно встал рядом с мужем.

Когда пришли Пингуй и Яоцзу, староста первым делом отчитал отца Шинаня при всех, велел ему укротить своих домашних, чтобы те не позорили деревню. Под пристальными взглядами соседей Пингуй не мог поднять головы и лишь сквозь зубы давал обещания.

Затем староста огласил требование Шинаня.

Пингуй вскинул голову, в ужасе глядя на сына: — Ты с ума сошел? Я еще не сдох, какое «разрыв родства»?

Шинань холодно посмотрел на него: — Не сдох? Мой отец умер в тот день, когда не стало моей матери.

— Паршивец... неблагодарный сын! А ну повтори! — Пингуй затрясся всем телом, тыча пальцем в Шинаня и не находя слов от возмущения.

Шинань бесстрастно продолжил: — У тебя два пути. Первый: пишешь бумагу, и мы навсегда расходимся как чужие люди. Второй: я зову старейшин рода Сюэ и мы начинаем подробно разбирать предсмертное завещание дедушки.

— Завещание... — по толпе пронесся шепот.

Когда старый глава семьи Чэн уходил, никто не слышал ни о каком завещании. Неужели была какая-то тайна?

Лицо Пингуя стало мертвенно-бледным.

Яоцзу, который слышал от старухи Чэн обрывки разговоров, догадывался, что речь идет о приданом и деньгах семьи Сюэ (матери Шинаня), потраченных Чэнами. Он не хотел, чтобы Сюэ во всё это совали нос.

Яоцзу дернул отца за рукав и прошептал: — Отец, думай о главном. У тебя есть мы.

Пингуй понял намек младшего сына.

Снаружи у дверей подслушивала Цянь-ши. Пинань с женой, которым было стыдно, тоже жались в конце толпы.

— Старик оставил завещание? Почему я не знаю? — шептал Пинъань.

— Кроме раздела имущества, он что-то еще говорил? — Лю-ши ткнула мужа в бок.

Тот лишь развел руками: — Откуда мне знать?

Всем было ясно по лицу Пингуя: тут дело нечисто. Похоже, сегодня деревня Давань и правда прославится — письмо о разрыве родства было делом неслыханным в этих краях. Кто-то считал Шинаня слишком жестоким, но большинство видело, что семья Чэн сама загнала его в угол, не оставив родному сыну шанса на жизнь.

— Тише все! Пингуй, решай, — выдохнул староста.

Ему было жаль, что всё так обернулось, ведь всё-таки одна кровь.

Пингуй долго смотрел на Шинаня, о чем-то раздумывая. Наконец он тяжело вздохнул: — Пиши.

О-о-ох... — толпа зашумела.

— Неужели напишет?

— Это же родной сын!

— Вот так просто — и всё?

— Ну и семейка... — деревенские качали головами.

Старик Мэн в толпе посмотрел в сторону дома Чэн и вспомнил, как покойный старик Чэн заходил к нему выпить перед смертью.

«Старый друг, ты был прав! Всё-таки дошло до этого... Эх...»

Шинань не удивился выбору отца. Его лицо не дрогнуло. Вэй Цю крепко сжал его руку. Он знал, насколько шокирующим было такое решение для древних времен.

Пингуй же не выказал ни капли раскаяния или боли за сына. Сказав «пиши», он будто сбросил с себя обузу.

Староста быстро составил три экземпляра. Оба поставили отпечатки пальцев. Яоцзу подхватил отца под руку, и они, не глядя ни на кого, поспешно вышли вон.

Деревня весь день гудела от этой новости. Шинань быстро увел Вэй Цю домой. С тех пор как Вэй Цю начал «зимовать» (сидеть дома в тепле), он так долго на улице не был. К счастью, простуда его миновала, но Шинань всё же устроил ему «разбор полетов».

Вэй Цю лежал на кровати, обняв одеяло и хлюпая носом.

Черт возьми... у какого нормального мужика наказание — это стащить с жены (гэра) штаны и отшлепать по заднице?

Вэй Цю чувствовал себя донельзя обиженным, но спорить не смел, лишь легонько куснул Шинаня за плечо, когда тот лег рядом. Шинань проигнорировал укусы, коснулся его покрасневших век и сухо бросил:

— Еще раз ввяжешься в драку — наказание будет вдвое строже.

Тиран!!! Вэй Цю в сердцах отвернулся и всю ночь с ним не разговаривал.

Лишь когда он уснул, Шинань тихо притянул его к себе.

Пощипал его за щеку: «Мелюзга! Характер-то какой! Мотыгой на дом пошел... Хорошо еще, что те двое в семье Чэн — трусы. Будь на их месте кто покрепче, от этого хрупкого тельца и косточек бы не осталось». Шинань вздохнул.

Он мог простить то, что семья Чэн сделала с ним, и следовал слову старшего брата — не мстить. Но Вэй Цю — это другое. Вэй Цю был его жизнью, и он не позволит никому причинить ему вред.

Так наступил канун Нового года. Они встали спозаранку, отварили подношения: свиную голову и большого петуха. Зажгли свечи, расставили сухофрукты и сладости.

На алтаре в главной комнате стояли поминальные таблички матери и старшего брата Шинаня. Оба торжественно опустили на колени, совершили поклоны и сожгли ритуальные деньги. После смерти матери и брата семья Чэн не удосужилась завести для них таблички — Шинань сам привез их из города пару дней назад.

Шинань смотрел на имя матери: — Матушка, сын виноват, что так поздно забрал тебя домой. Ты ведь уже встретила с братом? Прости... я не уберег его, он слишком рано ушел к тебе...

Слушая эти тихие, лишённые внешних эмоций слова, Вэй Цю почувствовал острую боль в груди. Слезы сами покатились из глаз. Он незаметно отвернулся и смахнул их. Ему было горько за этого человека, которому всего двадцать два года, а он уже видел столько смертей и предательств, что его лицо кажется застывшей маской. Но Вэй Цю знал: за этим спокойствием скрывается океан боли, цена которой была слишком высока.

<http://bllate.org/book/17091/1600316>